

Авалиани С. Л. К вопросу о значении грузиноведения и влияние Византии на Грузию. [Рец. на:] *Кекелидзе К., прот.* Литургические памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908 // Богословский вестник 1910. Т. 1. № 2. С. 334–345 (2-я пагин.).

Къ вопросу о значеніи грузиновѣдѣнія и вліяніе Византіи на Грузію.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Кекелидзе Кор., протоіерей.—Литургическіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе. Тифлисъ, 1908 г. стр. 1—XXX+515+XIII. Печатано по опредѣленію Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 13 іюня 1907 г.

(Окончаніе).

Предлежащая работа ставитъ своею цѣлью выясненіе научнаго значенія грузинскихъ литургическихъ памятниковъ, хранящихся въ отечественныхъ книгохранилищахъ. Въ виду крупнаго научнаго интереса темы, избранной г. Кекелидзе, и новизны ея въ русской литературѣ, мы позволимъ себѣ подробнѣе разобраться въ научной цѣнности даннаго труда. Грузинскіе литургическіе памятники до работы г. Кекелидзе никѣмъ изслѣдуемы не были въ большихъ размѣрахъ. Правда описанія, довольно подробныя, и попадаются въ трудахъ проф. Цагарели, извѣстнаго собирателя Θ. Жорданія, но изслѣдованію тщательному и подробному они не подвергались; т. о. піонерство должно быть признано цѣликомъ за работой г. Кекелидзе. Работа г. Кекелидзе распадается на двѣ части: 1) введеніе, съ предисловіемъ, подробное описаніе евхологіевъ, типиковъ и другихъ богослужебныхъ книгъ, 2) собственно изслѣдованіе, посвященное чинамъ общественнаго и частнаго богослуженія и богослужебнаго устава грузинской церкви.

„Давно уже, говоритъ авторъ, въ наукѣ сознано, что исторія богослуженія православной церкви должна быть разрабатываема по первоисточникамъ; несмотря на изданія литургическихъ памятниковъ греческихъ, многіе запросы литур-

гической науки, особенно касающіеся древнѣйшей эпохи христіанской церкви до IX—X в., оказались неразрѣшимыми „при помощи однихъ только оригинальныхъ списковъ“. „Рассчитывая найти въ разноязычныхъ и разновременныхъ переводахъ то, чего наличные оригинальные списки не могли дать, ученые обратились къ памятникамъ письменности разныхъ восточныхъ христіанскихъ народностей, какъ православныхъ, такъ и лютеранскихъ, сирійцевъ, арабовъ, коптовъ, армянъ. Между тѣмъ, рѣдко кому изъ нихъ приходилось пользоваться литературнымъ богатствомъ древне-грузинской, искони православной церкви. Можетъ быть, одной изъ причинъ такого невниманія къ письменнымъ памятникамъ древне-грузинской церкви была трудность пользованія этими памятниками за неимѣніемъ какого-либо систематическаго собранія ихъ въ одномъ мѣстѣ“; но теперь это уже возможно, ибо въ Тифлисѣ уже два громадныхъ музея съ богатымъ собраніемъ рукописей. Поэтому авторъ и взялся „за разработку и изученіе“ грузинскихъ литургическихъ памятниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ спѣшитъ оговориться „во избѣжаніе могущаго послѣдовать разочарованія“, что его работа *„едва ли въ состояніи подтвердить мысль о научной важности и необходимости изученія памятниковъ древне-грузинской церковной письменности вообще, потому что древнѣйшіе литургическіе памятники до X в. сосредоточены въ бібліотекахъ Авона, Синая, Іерусалима“*; эти бібліотеки оказались недоступными автору, и ему *„волею-неволею пришлось ограничиться отечественными книгохранилищами, въ которыхъ литургическихъ рукописей до X в. сравнительно мало“*. Ограничивая свою работу рамками отечественныхъ книгохранилищъ, авторъ постарался познакомиться „со всѣми почти имѣющимися въ нихъ литургическими рукописями“, изъ которыхъ 62 рук. наиболѣе интересныя и важныя въ научномъ отношеніи описаны въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ. Предѣльными пунктами описанныхъ рукописей являются IX в. и первая половина XVIII в., когда грузинскія богослужебныя книги поступаютъ на печатный станокъ, „чѣмъ разъ навсегда полагается конецъ варьированію ихъ“ (стр. V, VI). Мы подробно остановились на основныхъ методологическихъ положеніяхъ г. Кекелидзе, высказанныхъ имъ въ предисловіи, ибо эти положенія вызываютъ сильныя недоумѣнія и они въ корнѣ под-

рываютъ научную цѣнность работы. Правильная постановка вопроса, правильная методологія въ научныхъ изысканіяхъ— это все. Авторъ прекрасно сознаетъ, что литургическіе памятники древнѣйшаго періода находятся въ бібліотекахъ Востока; ему хорошо извѣстно, что богослужебныя книги переводились съ греческаго, внѣ Грузіи, въ обителяхъ, построенныхъ на Аѳонѣ, Синаѣ, Іерусалимѣ и т. д.; ему также извѣстно, что переводы, сдѣланные внѣ Грузіи, переписывались и распространялись въ Грузіи (ср. IV, XII), слѣдовательно, оригиналы и древніе переводы должны храниться тамъ на Востокѣ, въ мѣстныхъ бібліотекахъ,—если книги, переводы которыхъ дѣлались въ восточныхъ грузинскихъ обителяхъ, переписывались въ Грузіи, то тѣ многочисленные варианты, которые описываетъ и отмѣчаетъ авторъ, могли возникнуть или въ Грузіи, какъ результатъ творчества книжника переводчика, или могли находиться въ тѣхъ оригиналахъ переводовъ, съ которыхъ они списывались. Поэтому изученіе однихъ литургическихъ рукописей, найденныхъ въ отечественныхъ бібліотекахъ и притомъ поздняго времени, безъ изученія прототиповъ, не можетъ дать никакого представленія о рукописи, ибо всегда будетъ возникать вопросъ о происхожденіи варианта. Слѣдовательно, устраненіе прототиповъ изъ сферы изслѣдованія, хотя бы даже „волею-неволею“, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признано научнымъ и ни въ коемъ случаѣ не заслуживаетъ снисхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ насъ можетъ убѣдить изслѣдованіе г. Кекелидзе? Если онъ, въ чемъ нужно отдать ему справедливость, очень старательно отмѣчаетъ въ описываемыхъ имъ рукописяхъ варианты въ чинопослѣдованіяхъ частнаго и общественнаго богослуженія, сплошь да рядомъ весьма существенные, то вѣдь эти варианты могутъ имѣть мѣсто въ тѣхъ древнѣйшихъ оригиналахъ или въ тѣхъ первоначальныхъ переводахъ, которые появлялись въ грузинскихъ обителяхъ внѣ Грузіи; слѣдовательно, если автору не доступны были начальные переводы, то для опредѣленія происхожденія вариантовъ необходимо было изслѣдовать, не находились ли эти варианты въ оригиналахъ, съ которыми необходимо было произвести сличеніе, чего авторъ не сдѣлалъ, какъ это будетъ показано ниже. Наконецъ, авторъ долженъ былъ выяснитъ еще одинъ кардинальный

вопросъ о причинахъ нарастанія вариантовъ и вообще варьирования въ литургическихъ рукописяхъ поздняго времени, XV, XVI в.в.; именно, автору нужно было разяснить природу этого варьирования и происхождение его. Описавъ рукописи, г. Кекелидзе убѣдился въ томъ, что литургическіе памятники „содержатъ въ себѣ много особенностей противъ современнаго намъ порядка богослуженія (а противъ современнаго этимъ памятникамъ греческаго богослуженія? С. А.) Православной церкви... въ чинахъ, извѣстныхъ и нынѣ, мы находимъ весьма крупныя и любопытныя подробности и особенности. Спрашивается: откуда появились въ груз. памятникахъ эти особенности?“ Авторъ весьма правильно поставилъ вопросъ, обѣщавъ дать отвѣтъ, но не далъ, ибо авторъ сознательно вычеркнулъ тѣ древнѣйшія рукописи, которыя хранятся на Востокѣ, которыя единственно могли приблизить автора къ правильному разрѣшенію вопроса; и такъ какъ авторъ не постарался найти тѣхъ оригиналовъ, съ которыхъ сдѣланы были переводы, то разумѣется, все изслѣдованіе автора и его выводы являются весьма и весьма гадательными. Интересъ г. Кекелидзе сосредоточился на Евхологіи и Типиконѣ; др. литургическіе памятники изучались „съ большимъ разборомъ“. Что касается Евхологія, то авторъ старался „собрать возможно большее количество списковъ его и путемъ сличенія отмѣтить существующіе въ нихъ новыя, доселѣ неизвѣстныя въ наукѣ списки чиновъ и указать интересные варианты къ извѣстнымъ уже въ наукѣ чинамъ—по изданіямъ Гоара, Дмитріевскаго, Красносельцева.“ По отношенію къ Типикону задача автора состояла въ томъ, чтобы описать и изучить возможно обстоятельно тѣ рукописи, которыя такъ или иначе относятся къ церковному уставу, и которыя уясняютъ намъ историческое прошлое и нынѣшній составъ данной книги. „Результаты неуверенныхъ занятій автора превзошли всѣ его ожиданія. У насъ въ рукахъ накопилось много новаго, весьма цѣннаго, любопытнаго матеріала для исторіи богослуженія нашей церкви (каковой матеріалъ, а не цѣльное что-нибудь) мы и предлагаемъ“. Анализъ Евхологіевъ и Типиконовъ долженъ былъ выяснитъ автору, „откуда появились тѣ или иныя отмѣченныя нами особенности, составляютъ ли они специфическую принадлежность грузинскихъ богослужебныхъ книгъ,

или же они присущи и извѣстнымъ въ наукѣ древне-богослужебнымъ спискамъ“. (Стр. VII, VIII). Хотя вопросъ поставленъ вполне правильно, хотя путь изслѣдованія, избранный авторомъ, единственно-правильный, однако авторъ не сумѣлъ доказать происхожденія отмѣченныхъ имъ особенностей въ литургическихъ памятникахъ грузинской церкви, а это произошло отъ того, что авторъ не привлекъ списковъ синайскихъ, афонскихъ, іерусалимскихъ, какъ прототиповъ обращавшихся въ обиходъ грузинской церкви книгъ, а съ другой стороны авторъ отказался, правда отъ очень сложной, но единственно научной работы, аналогического изученія грузинскихъ литургическихъ памятниковъ, хотя бы съ тѣми, которыя имѣются у Гоара, Красносельцева, Дмитриевского. Чтобы насъ не заподозрили въ голословности, мы перейдемъ построчному обсужденію работы г. Кекелидзе. Г. Кекелидзе весьма тщательно и внимательно описано 55 рукописей, это самая цѣнная часть работы, на которую затрачено не мало труда и энергіи, и за нее мы должны быть особенно благодарны автору.

Вторая часть работы г. Кекелидзе занята изслѣдованіемъ описанныхъ имъ въ первой части литургическихъ рукописей. Въ первой части работы авторъ изрѣдка старается отмѣчать редакціи и списки, близкіе грузинскимъ; повидимому эти указанія случайнаго характера, ибо авторъ ихъ старается относить или въ примѣчанія или говорить глухо въ общихъ чертахъ: такъ описывая литургію Іакова, по рукоп. Тифл. ц.-арх. музея № 86, дѣлаетъ замѣчанія, что грузинскій оригиналь „сдѣланъ, держась классификаціи А. Петровскаго, съ оригинала іерусалимской редакціи, ибо въ немъ указывается ектенія, на которой читается прошеніе „ὄλεθ' τῶν ἐχθρότων“ и т. д. находящееся во всѣхъ спискахъ іерусалимской редакціи“; такъ какъ груз. списокъ литургіи Іакова древнѣе извѣстныхъ списковъ, кромѣ Мессинскаго, то авторъ приводитъ вариантъ изъ сл. XVIII в. и сопоставляетъ ихъ со списками, изданными А. Петровскимъ (Апостольскія литургіи восточной церкви СПб. 1897); но авторъ нигдѣ не задается вопросомъ о происхожденіи вариантовъ, различіи, дополненіи грузинск. списка сравнительно съ греческими; авторъ напр. находитъ любопытныя данныя въ груз. спискѣ, „молитву раздробленія иже во св. отца на-

шего Аванасія Архіепископа“, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ греческихъ св. лит. ап. Іакова, отмѣчаетъ обширную молитву поминовений, которая не во всѣхъ пунктахъ совпадаетъ съ греческимъ текстомъ, но которая ближе всѣхъ воспроизводитъ Мессинскій текстъ. Такъ какъ груз. рукоп. — конца X в. и такъ какъ наконецъ она ближе къ Мессинскому болѣе древнему, то прямая обязанность автора была изслѣдовать вопросъ объ оригиналѣ груз. перевода, что было легко сдѣлать на основаніи Мессинскаго списка и тѣмъ установить цѣнность грузинск. рукописи; но авторъ ограничился указаніемъ вариантовъ и разночтеній и отъ существенной методологической работы уклонился, что не можетъ быть поставлено въ особенную научную заслугу автору (см. стр. 6, 7 — 10, 11, 18, 20, 21 и др.).

Въ описаніи рук. „Общества распространенія грамотности среди грузинъ“ № 143, которая представляетъ переводъ съ греческаго св. Евѣимія Аѳонскаго, авторъ постоянно дѣлаетъ указаніе на Гоара (стр. 36, 37, 38, 39—46), но эти указанія ничего въ существѣ своемъ не даютъ, ибо приходится каждый разъ самому дѣлать сличенія для выясненія цѣнности грузинскаго перевода, между тѣмъ какъ эта работа должна была занять автора литургическихъ памятниковъ; такая методологическая ошибка обнаруживается изъ дальнѣйшаго изслѣдованія автора см. стр. 48—52, 84—85—87 и т. д. Еще серьезнѣе методологическій промахъ въ описаніи рукоп. церков. музея № 450 (стр. 106 и дальше); на листѣ 294 рук. авторъ нашелъ чинъ „Какъ нужно принять обращающихся евреевъ къ христіанской вѣрѣ“, оказывается, это буквально такой же чинъ, какой изданъ проф. Дмитріевскимъ въ его „Богослуженіи русской церкви въ XVI в., прил. VI, стр. 61. Далѣе въ той же рукописи на л. 302 чинъ „Образъ отрицанія сарацынскаго“, который оказывается буквально сходнымъ съ чиномъ „принятія отъ сарацынъ обращающихся“, изд. Мблоковымъ по рукописи XVI в. Соловецкой Библ. № 1085. Автору, изслѣдующему научное значеніе грузинскихъ литургическихъ памятниковъ, такія счастливыя совпаденія должны были указать путь изслѣдованія къ тому первоначальному источнику, которымъ пользовался грузинскій и славянскій переводчикъ. Далѣе, и грузинская рукопись и сла-

вянская Солов. об. одновременны XVI в.; невольно спрашивается, эти рукописи также ли совпадаютъ въ остальномъ, или только въ указанныхъ чинахъ? Отмѣтивъ совпаденія лишь мимоходомъ въ примѣчаніяхъ (стр. 137), Кекелидзе не старается итти въ изслѣдованіи вопросовъ, подсказываемыхъ ему открытыми совпаденіями. Въ той же рукописи автору удалось найти другія, не менѣе любопытныя данныя. Разсматривая чинъ „Послѣдованія часовъ“ (стр. 146, 147), онъ нашелъ молитвы тождественныя съ молитвами Евхологія Дмитріевскаго, только у послѣдняго онѣ оказались въ иномъ порядкѣ расположенными; грузинская версія чина „Оглашенія, совершаемаго архіереемъ во святую и великую пятницу“, оказывается ближе къ списку проф. Красносельцева (Къ исторіи православнаго богослуженія стр. 121—125), чѣмъ Гоара стр. 279—289, между тѣмъ г. Кекелидзе не постарался прослѣдить происхожденіе грузинск. списка, опять таки обмолвившись краткимъ констатированіемъ фактовъ аналогіи и совпаденій въ примѣчаніи къ тексту (стр. 147—149). Не желая увеличивать размѣровъ рецензіи, мы не будемъ больше повторять нашихъ замѣчаній на эту тему, укажемъ только, что такія методологическія недоразумѣнія попадаютъ на протяженіи всей книги см. еще стр. 228, 229 и др. 313 и др.

Описаніе рукописей литургическихъ памятниковъ г. Кекелидзе не можетъ похвалиться безусловной полнотой; авторъ не даетъ указаній, чѣмъ онъ руководился при выборѣ рукописей; правда, въ предисловіи онъ говоритъ, что литургическіе памятники, кромѣ типиковъ и Евхологіевъ, имъ изучались „съ большимъ разборомъ“ (стр. VI), но для читателя это указаніе ничего не значитъ; погоня за рукописными памятниками, доселѣ неописанными, заслонила автору тѣ указанія, какія можно было найти въ литературѣ; не заходя слишкомъ далеко, мы все же находимъ нелишнимъ указать, что автору для большей полноты и правильности конечныхъ выводовъ слѣдовало бы привлечь списки извѣстные въ литературѣ, напр., въ книгѣ О. Жорданія, Хроники т. II, см. перечень, необслѣдованныхъ авторомъ списковъ въ оглавленіи къ книгѣ.

Къ числу крупныхъ недостатковъ работы должна быть отнесена система описанія, принятая авторомъ. Конечно, хронологическая система описанія проще, ея слѣдуетъ дер-

жаться; но просматривая списки, описанные авторомъ, можно отмѣтить списки одной и той же редакціи съ незначительными вариантами, поэтому въ научныхъ интересахъ необходимо было бы, въ концѣ описанія хронологическаго евологіеетъ и типиковъ, попытаться свести ихъ къ однороднымъ редакціямъ и, сравнивъ ихъ съ оригиналами или начальными переводами оригиналовъ, можно было бы прослѣдить исторію происхожденія вариантовъ и можно бы установить тѣ источники, которые легли въ основу богослужебныхъ книгъ грузинской церкви: въ самомъ дѣлѣ, авторъ избравшій темой академическаго изслѣдованія (работа г. Кекелидзе была представлена въ Кіевскую Духовную Академію для соисканія академической степени, см. Труды Кіевской Духовной Академіи, кн. XI, 1908) научное значеніе литургическихъ грузинскихъ памятниковъ вообще, послѣ классическихъ работъ Гоара, Красносельцева, Дмитріевскаго и др., другого пути избрать не могъ.

Подробное описаніе рукописныхъ литургическихъ памятниковъ показало автору, что грузинскіе списки заключаютъ въ себѣ много особенностей противъ современнаго порядка богослуженія, при чемъ авторъ не прослѣдилъ, какъ нарастали эти особенности, явились ли они въ результатѣ историческаго развитія грузинскаго богослужебнаго строя, или они опредѣлялись особенностями тѣхъ оригиналовъ, которые легли въ основаніе грузинскаго богослужебнаго обихода. Для г. Кекелидзе этотъ вопросъ не существовалъ совершенно, и дочитавъ книгу до конца, вы остаетесь въ полнѣйшемъ невѣдѣніи происхожденія особенностей и уклоненій въ литургическихъ памятникахъ грузинскихъ. Между тѣмъ центр тяжести долженъ былъ перенесенъ не на констатированіе вариантовъ и особенностей, а они (т. е. варианты и особенности) должны были дать толчекъ къ объясненію происхожденія ихъ.

Переходя во второй части къ обследованію описаннаго въ первой части матеріала, г. Кекелидзе продолжаетъ оставаться далеко не на высотѣ научной методологіи. Въ статьѣ о послѣдованіи утрени авторъ обнаруживаетъ особыя молитвы объ оглашенныхъ. Эти молитвы груз. списка тождественны молитвамъ греческихъ подлинниковъ „только онѣ почему то до неузнаваемости передѣланы“ (стр. 413); самъ собою возни-

каетъ вопросъ о характерѣ передѣлки и источникахъ передѣлки; такія наблюденія вводятъ автора въ кругъ какого-то своеобразнаго творчества, и для специалиста литургиста такія передѣлки имѣютъ особенно важное значеніе, изслѣдованіе которыхъ его непосредственная задача; между тѣмъ авторъ отдѣливается ничего не значащей фразой. То же отсутствіе критическаго изслѣдованія попадаетъ чуть ли не на каждомъ шагу см. стр. 415, 418, 420, 422, 423. Особенное недоумѣніе вызываетъ статья: „Литургія Преждеосвященныхъ даровъ. „Чинъ литургіи Преждеосвященныхъ даровъ, говоритъ г. Кекелидзе, по Илитарію Гелатскаго монастыря, написанный, какъ это видимъ и въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ именемъ Василія В., представляетъ *большой научный интерес* и заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ *оригиналы его мы не находимъ ни въ греческихъ ни въ славянскихъ рукописяхъ*“; далѣе авторъ отмѣчаетъ особенность литургіи, именно что приготовленіе преждеосвященнаго Агнца и чаши бываетъ не во время стихословія 18 каеизмы, какъ нынѣ, а во время пѣнія стихиръ на „Господи воззвахъ“, и г. Кекелидзе заключаетъ: „Особенность эта встрѣчается *въ нѣкоторыхъ славянскихъ и греческихъ рукописяхъ Московской Синодальной Библіотеки*“, далѣе онъ отмѣчаетъ особенность, находящуюся и въ одномъ Сербскомъ служебникѣ и это все. Но разъ оригинала литургіи нѣтъ ни въ греч., ни въ славянскихъ рукописяхъ, но если у насъ имѣются др. славянскія, греческія и грузин. рукописи, то задача изслѣдователя заняться изученіемъ наличныхъ списковъ. Уклонившись отъ прямого пути, авторъ не выяснилъ научнаго значенія Илитарія Гелатск. монастыря, а двѣ-три отмѣченныя особенности, совпаденіе этихъ особенностей съ рук. слав. и греческ., не можетъ еще говорить о научной цѣнности (стр. 425—426).

Наша замѣтка и безъ того уже разрослась, а потому мы, опуская остальные замѣчанія, укажемъ еще на два вопроса. Въ статьѣ о послѣдованіи исповѣди авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что цѣльнаго чина исповѣди въ грузинскихъ памятникахъ онъ не нашель до XVI в.: только въ XVIII в. съ появленіемъ новой редакціи Требника въ переводѣ съ греческаго яз. Кипріана Салетавійскаго грузинская церковь получаетъ чинъ исповѣди въ томъ видѣ, въ какомъ мы на-

ходимъ его въ нынѣшнихъ Требникахъ (стр. 431). Это отсутствіе чина исповѣди намъ кажется случайнымъ; вѣдь восточная церковь знала до XVI в. полный чинъ исповѣди. знала его и юго-славянская церковь; какимъ образомъ такой важный чинъ не оказался въ грузинской церкви? неужели грузин. церковь, питаясь источниками греческой церкви, не воспользовалась уставомъ исповѣди восточной церкви? Это недоразумѣніе выяснилось бы, если бы авторъ не замкнулъ списка изслѣдуемыхъ имъ памятниковъ случайнымъ выборомъ; изученіе чина исповѣди восточной церкви и тѣхъ редакцій, какія имѣются въ рук. XV в. и раньше, въ рук. XI в. № 96 грузинской редакціи можетъ быть и указали бы, что они являются тѣми списками, какія были въ употребленіи: но такъ какъ авторъ постоянно игнорируетъ сравнительное изученіе груз. рукоп. съ греческими, то оно и приводитъ его къ нѣскольکو поспѣшнымъ выводамъ (см. по этому поводу прекрасное изслѣдованіе проф. Алмазова. Тайная Исповѣдь въ православной Восточной церкви 2 т. Зап. Нов. Ун. т. 63 стр. 1—596; и 64 стр. 1—454: особ. приложенія, съ многочисленными уставами исповѣди стр. 296+1—89; Зап. Нов. Ун. т. 65).

Въ изслѣдованіи богослужебнаго устава грузин. церкви (стр. 472—515) г. Кекелидзе идетъ уже правильнымъ научнымъ путемъ, привлекая къ дѣлу оригиналы и изучая груз. списки сравнительно съ оригиналами.

Выводы, къ которымъ привело автора изслѣдованіе, слѣдующіе: „разсматривая исторію богослуженія грузинской церкви съ точки зрѣнія того или другого устава, мы должны ее раздѣлить на три періода: Періодъ господства іерусалимскаго устава или, точнѣе, богослужебныхъ традицій Іерусалимско-Палестинской церкви, — отъ начала грузинской церкви до конца X в. Періодъ господства переведеннаго св. Георгіемъ Мтаултдели „Великаго Синаксаря“, отъ XI в. до XIII в. Періодъ господства Іерусалимскаго или Саввинскаго Устава, получившаго въ XII в. преобладающее значеніе въ богослужебной практикѣ восточной церкви и около того времени проникшаго и въ Грузію“.

Что касается грузин. типиконовъ, въ особенности Евхологіевъ, то обзорѣніе ихъ приводитъ къ обнаруженію нѣсколькихъ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ въ наукѣ молитвословіи и

чинопоследованій; значительное количество интересных вариантовъ къ извѣстнымъ въ наукѣ чинамъ, и подтверждаетъ выводы, къ которымъ пришла наука по тѣмъ или другимъ литургическимъ вопросамъ. Чинъ и последованія груз. памятниковъ, расходясь съ современными чинами, поражаютъ насъ своимъ разнообразіемъ, что обусловливается разнообразіемъ греческихъ списковъ, съ которыхъ переводились грузинскіе богослужебные чины. Наши замѣчанія на работу г. Кекелидзе могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ. Главнѣйшими дефектами труда г. Кекелидзе должны быть признаны промахи методологическаго свойства; авторъ исключилъ сознательно изъ поля своего изслѣдованія древнѣйшіе переводы богослужебныхъ книгъ, хранящихся въ бібліотекахъ Аѳона, Синая, Іерусалима и т. д.; исключеніе этихъ важнѣйшихъ списковъ, среди которыхъ находятся древнѣйшіе рукописи VIII—X в. (Сообщ. Импер. Правосл. Палест. Общ. за 1903 г. № 1, ч. II, Цагарели—Свѣдѣнія, II) не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ оправданы. Изучая рукописи, находящіяся въ отечественныхъ книгохранилищахъ, авторъ не стремится къ возможной полнотѣ обслѣдуемаго матеріала, обходя матеріалы, извѣстные въ печати. Въ выборѣ матеріала авторъ руководится случайными соображеніями, въ которыя не посвящаетъ читателя. Избравъ хронологическую систему изученія рукописнаго матеріала, г. Кекелидзе не попытался классифицировать рукописей по типамъ, редакціямъ и спискамъ. Наконецъ, наблюдая обслѣдуемый матеріалъ, авторъ обнаружилъ новые варианты, разночтенія, открылъ новые чины (Чинъ Эльсамона въ рук. цер. музея № 450 стр. 433), но авторъ не старался сличать своихъ матеріаловъ съ оригиналами, не постарался найти источниковъ происхожденія вариантовъ и разночтеній, ограничиваясь лишь глухими указаніями въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, и не показалъ въ какой исторической послѣдовательности возникли варьированія въ изучаемыхъ имъ грузинскихъ литургическихъ памятникахъ.

Однако, не смотря на указанные дефекты, работа г. Кекелидзе имѣетъ серьезныя достоинства. Во-первыхъ, работа г. Кекелидзе—первая попытка въ области изданія литургическихъ памятниковъ грузинской церкви; во-вторыхъ, авторъ описалъ большое количество рукописныхъ памятниковъ, что

составляетъ крупную научную заслугу автора, тѣмъ болѣе, что описаніе сдѣлано очень тщательно и подробно; г. Кекелидзе удалось отмѣтить много вариантовъ и особенностей груз. литургическихъ рукописей, что опять таки должно быть поставлено въ особенную похвалу автору. Вся работа носитъ на себѣ слѣды любовнаго отношенія къ дѣлу. Если мы такъ подробно остановились на разсмотрѣніи труда г. Кекелидзе, то исходили изъ вполне законнаго соображенія: въ бѣднѣйшей грузинской церковной литературѣ работа г. Кекелидзе составляетъ крупное явленіе; она показываетъ важное научное значеніе грузин. памятниковъ и говоритъ о сильномъ вліяніи Византіи на грузинскую церковь.

С. Авалиани.
